

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Э.А. Балалыкина

Аннотация

Статья посвящена проблеме балто-славянских языковых отношений и представляет очевидные доказательства чрезвычайно выразительной близости литовского и русского языков на уровне фонетики, морфологии и словообразования. Литовско-русские соответствия, приведенные в статье, помогают дополнить имеющиеся сведения в области исторического развития звукового строя русского языка, изменений в его грамматической системе и особенно в области этимологии.

Ключевые слова: балто-славянские отношения, литовско-русские соответствия, фонетика, морфология, словообразование.

М.В. Ломоносов в статье «О России прежде Рюрика» писал, что славянские и балтийские языки удивительно близки и в лексическом составе, и в грамматических формах. При этом он полагал, что это сходство – результат не только общего происхождения, но ещё и происхождения балтийских языков из славянских. Подобная точка зрения после открытия сравнительно-исторического метода и более поздних изысканий в области балто-славянских языковых отношений была опровергнута трудами А. Шлейхера, А. Мейе и др., которые явились авторами самых разнообразных и достаточно дискуссионных теорий по поводу определения причин столь удивительного сходства между указанными языками. Были созданы теории балто-славянского праязыка, параллельного развития этих праязыков, теория конвергенции и др. Однако сторонники подобных теорий, несмотря на определенные разногласия, приходили к единому мнению о том, что существующая между славянскими и балтийскими языками близость не может быть случайной и что в семье индоевропейских языков они явно выделяются в этом отношении. Известный французский лингвист А. Вайян даже полагал, что балтийские языки отличаются от славянских не более, чем шведский от немецкого [1, с. 14]. Значимость литовского языка для исследований в области славистики для многих лингвистов была совершенно очевидной. Вот как об этом писал ещё в 1868 году известный русский славист А. Гильфердинг: «Без литовского языка научное изучение славянского невозможно, немислимо, и одна из главнейших причин тех ошибок, в которые впадали некоторые наши ученые, рассуждавшие о законах и свойствах славянской речи, состоит именно в том, что они не брали в соображение фактов, представляемых

языком литовским» [2, с. 367]. Приведенное высказывание связано прежде всего с тем, что литовский язык, самый архаичный из всех живых индоевропейских языков, сохранил то состояние, которое славянскими языками было достигнуто ещё в праславянскую эпоху. Вот почему была выдвинута одна из гипотез о вторичности происхождения славянских языков по отношению к балтийским, поскольку они явились будто бы результатом преобразования балтийских. Так, польский языковед Л. Оссовский в одной из своих статей уверенно утверждал, что «славянские языки возникли из балтийских» и что, говоря о балтославянах, «приходится иметь в виду балтов, живущих в эпоху, когда славяне ещё не существовали» [3, с. 112–113]. И действительно, углубляясь в древнейшее, дописьменное состояние русских и славянских слов и форм, трудно отделаться от впечатления, что реконструируемый праславянский язык, из которого развились все славянские языки и диалекты, сам как бы является литовским диалектом. Вот почему многие формы, которые даются в работах по исторической грамматике славянских языков под звездочкой, продолжают функционировать в современном литовском языке в качестве вполне реальных «живых» слов.

150 лет тому назад в Литву, в окрестности Людвинаваса, приехали два молодых воспитанника Московского университета – Ф.Ф. Фортунатов и В.Ф. Миллер, позднее ставшие учеными с мировым именем. В 1872 г. в «Московских университетских известиях» они опубликовали собранные ими литовские народные песни. В конце сборника песен Фортунатов писал: «Едва ли другой индоевропейский язык столь богат диалектическими оттенками, как язык литовский. Каждые десять, двадцать верст можно уже подметить некоторые особенности, интересные в этимологическом, фонетическом или лексическом отношении. Часто в одной местности сохраняется черта глубокой древности, уже исчезнувшая в других говорах». Несколько лет спустя Ф.Ф. Фортунатов приступил к чтению курса литовского языка в Московском университете; эти лекции посещали многие студенты, в будущем ставшие видными русскими и западноевропейскими языковедами. Среди них был и выдающийся литовский лингвист, основоположник литовского литературного языка Йонас Яблонскис (1860–1930). Кроме Фортунатова в разных университетах России литовский язык преподавали выдающиеся ученые И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.К. Поржезинский и другие. Лекции Фортунатова в некотором смысле способствовали общеизвестному утверждению литуанистов о том, что литовский литературный язык сформировался на основе диалектов так называемых западных аукштайтов.

Западноевропейские ученые стали интересоваться балтийскими языками (особенно литовским) сразу после возникновения сравнительно-исторического метода в языкознании. Важным событием в истории изучения литовского языка было издание научной грамматики этого языка немецким ученым А. Шлейхером (Прага, 1856). После выхода в свет грамматики Шлейхера зарубежные языковеды не раз посещали Литву, чтобы из уст самих литовцев познакомиться, по словам Ф.Ф. Фортунатова, с «чертами глубокой древности». Видный французский языковед А. Мейе даже заметил: «Тот, кто хочет знать, как говорили наши предки, должен приехать послушать, как говорит литовский крестьянин». Исследователей индоевропейских языков особенно удивлял тот факт, что сохранившиеся

формы литовского языка сильно напоминают формы древнеиндийского языка – санскрита. Некоторые совпадения действительно поразительны. Например:

Литовские	Санскритские	Русские
dūmas	dhūmas	дым
sūnus	sūnus	сын
avis	avis	овца
vilkas	vrkas	волк
antras	antaras	второй

Приведенное сходство не может быть случайным и свидетельствует о том, что выделившийся из единой балто-славянской общности (существование которой до сих пор признается многими лингвистами спорным) литовский язык, заняв периферийное положение, основательно законсервировался и сохранил множество архаичных черт и в области фонетики, и в области морфологии, и в области словообразования, что представляет бесценный материал для изучения истории всех славянских языков, и в том числе – русского. Вот почему все исторические грамматики русского языка к любому из своих постулатов привлекают материал современного литовского языка, и многие формы, которые даются в исследованиях подобного типа под звездочкой, могут быть объяснены (с точки зрения своего происхождения) только с помощью привлечения соответствий из живого литовского языка. Поясним на примерах.

В области **фонетики** можно указать на следующее. Как известно, современные балтийские языки, и прежде всего – литовский, сохранили в своем звуковом строе значительное количество древнейших особенностей, восходящих еще ко времени балто-славянской и индоевропейской языковой эпохи. К их числу относятся, например, различия литовских и латышских гласных по долготе и краткости, развитая система восходящих и нисходящих дифтонгов, всевозможные сочетания гласных с плавными и носовыми, закрывающие слог, особый характер циркумфлексного, акутового и грависного ударения и т. д.

Так, вокализм современного литовского литературного языка представляет собой систему кратких и долгих фонем, качество которых уже во многих случаях не зависит от позиции в слове. Кратких гласных всего четыре: *a*, *e*, *i*, *u*. Остановимся подробнее на одном из них, а именно – на гласном *a*.

Современный литовский краткий *a* является дальнейшим развитием общебалтийского *a*, восходящего генетически к нескольким индоевропейским гласным, но прежде всего к **a* и **o*. Общеславянским рефлексом тех же и.-е. звуков является, как известно, гласный **o**. Разные языковеды по-разному объясняли причины подобного различия в балтийской и славянской рефлексации и.-е. **a* и **o*. Одни связывали это явление с особым характером балтийского и славянского общего **a*, давшего впоследствии славянский *o* и балтийский *a*, другие считали, что основная причина совпадения и.-е. **a* и **o* в одном славянском *o* заключается в ослаблении роли лабиализации в области гласных по сравнению с предшествующим дославянским периодом, третьи полагали, что первоначальный рефлекс и.-е. **a* и **o* в славянских и балтийских языках был одним и тем же, а именно – *o*, который впоследствии в славянских языках сохранился, а в балтийских превратился в *a* и т. д. [4, с. 171; 5, с. 25]. Не останавливаясь подробно на этом специальном вопросе, отметим лишь, что результатом выше-

указанных изменений явилось систематическое соответствие литовскому *a* славянского (русского) *o*, как в целом ряде корневых морфем, так и в различных аффиксальных формантах (типа приставок *ap-/об-*, *at-/от-*, *pra-/про-* и др.). Отсюда следующие современные литовско-русские параллели:

Abu, abi – оба, обе, *ašis* – ось, *aštrus* – остр(ый), *akis* – око (‘глаз’), *apvesti* – обвести, *asilas* – осел, *atnešti* – отнести, *basas* – бос(ой), *gatavas* – готов(ый), *kasa* – коса, *kapoti* – ‘рубить, стегать’ (ср. *копать*), *katras* – котор(ый), *margti* – ‘пестреть, рябить’ (ср. *моргать*), *marios* – море, *pagas* – ног(от), *naktis* – ночь, *nasrai* – ‘пасть’ (ср. *ноздри*), *platus* – ‘широкий’ (ср. *плот(ный)*), *pralieti* – пролить, *prastas* – прост(ой), *prašyti* – просить, *rasa* – роса, *sapnas* – сон, *smala* – смола, *tada* – тогда, *ubagas* – убог(ый), *tas* – тот, *taškas* – точка, *vadas* – вождь, *valia* – воля и т. д.

В области согласных в русском языке на протяжении его длительной истории произошли более существенные изменения, связанные с такими фонетическими процессами, как палатализации, рефлексии сочетаний *c j* и т. д. Вот почему такого же выразительного и бросающегося в глаза сходства, как с гласными, в литовском и русском языках на первый взгляд нет, но его можно обнаружить при привлечении диахронического материала, связанного с длительным историческим изменением согласных в русском языке. Это касается большинства согласных, к числу которых можно отнести прежде всего заднеязычные *k* и *g*, представляющие наиболее интересные изменения в истории русского языка.

Согласные *k* и *g* восходят, как известно, к и.-е. **kh*, **gh*. В славянских языках им соответствует несколько различных звуков, явившихся результатом изменений и.-е. **k* и **g*: во-первых, шипящие и свистящие *с, щ, з, ж* – как результат так называемых палатализаций, которые послужили причиной подобных изменений заднеязычных перед гласными переднего ряда дифтонгического и недифтонгического происхождения, и, во-вторых, согласные *k* и *g*, сохранившиеся в других позициях в слове (перед всеми другими гласными, кроме гласных переднего ряда, перед другими согласными и т. д.). Отсюда литовско-русские соответствия:

brikas – брич(ка), *bėgis* – бег, *daug* – ‘много’ (ср. *дужий* > *дюжий*?), *drugys* – ‘лихорадка’ (ср. *дрожь*), *geležis* – железо, *geltas* – желт(ый), *gelti* – жалить, *gi* – же, *gėla* – жаль, *ginti* – знать, *girnos* – жерн(ова), *girti* – ‘хвалить’ (ср. *жертва*), *gyvla* – жила, *gyvas* – жив(ой), *gyvata* – жизнь (ср. др.-рус. *живот*), *grikliai* – греча, *kaina* – цена, *kirmis* – червь, *kas* – кто, что, *ketvirtas* – четверт(ый), *kirtis* – ‘ударение’ (ср. *черта*), *sakai* – соки, *vakaras* – вечер и т. д.

В области **морфологии** особого внимания заслуживают категории рода, числа и падежа имен существительных, а также нечленные и членные формы прилагательных.

Известный литовский языковед В. Мажюлис в своей фундаментальной книге «Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai» именно на основании анализа морфологических данных пришел к важному заключению о том, что генетическая близость балтийских и славянских языков была более тесной, чем считают многие языковеды [6, с. 319]. Книга В. Мажюлиса содержит богатейший материал, свидетельствующий о том, что праславянские морфологические реконст-

рукции лишаются всякого смысла без самого широкого привлечения материала балтийских языков.

В морфологической структуре литовского и русского языков наблюдается немало общего. Но наряду с общими категориями в пределах каждой части речи существуют и различия, явившиеся результатом самостоятельного развития каждого из языков и составляющие их национальную специфику. Так, в литовском языке есть лишь два противопоставления по роду: мужской и женский, средний род утратился ещё в дописьменный период [7, т. 3, с. 3]. Род существительных в литовском и русском языке при полном фонетическом созвучии слов не всегда совпадает: *akis* (женск. род) – *глаз* (мужск. род), *beržas* (мужск. род) – *береза* (женск. род), *anglis* (женск. род) – *уголь* (мужск. род), *muilas* (мужск. род) – *мыло* (ср. род) и т. д.

Особого внимания заслуживают отношения между полными и краткими прилагательными в русском и литовском языках. Кратким прилагательным русского языка по форме и исторически соответствуют в литовском языке простые (*praprastieji*), а полным – местоименные (*įvardžiuotiniai*). Однако между краткими и полными прилагательными русского языка и простыми и местоименными литовского наблюдается существенная разница как в области словоизменения, так и в области синтаксического употребления или выражаемого значения.

Простые (нечленные) прилагательные литовского языка изменяются по родам, числам и падежам. В большинстве случаев их склонение целиком совпадает со склонением соответствующих типов существительных, иногда окончания прилагательных только в некоторых падежных формах отличаются от окончаний существительных. Простые прилагательные литовского языка изменяются по именному типу и напоминают то состояние, которое было с нечленными прилагательными в древнерусском языке. Местоименные прилагательные, по мнению большинства лингвистов, – та характерная особенность, которая свойственна именно славянским и балтийским языкам. В современном литовском языке (так же, как и в древнерусском) они представляют собой соединение простого (нечленного) прилагательного с местоимением *jis* ('он') для мужского рода и *ji* ('она') для женского. Причем в современном литовском языке очень четко представлен способ образования местоименных прилагательных. В ряде падежных форм простое прилагательное и местоимение выступают как самостоятельные формы: *naujas + jis = naujasis* – *новый* (ср. др.-рус. *новъ + и*), род. падеж *naujo + jo = naujojo* (др.-рус. *нова + его*), дат. падеж *naujam + jam = naujamam* (др.-рус. *нову + ему*) и т. д. В процессе исторического развития формы местоименных прилагательных в русском языке значительно упростились. Из сложных слов они в силу целого ряда общеизвестных исторических процессов превратились в простые, неразложимые формы. В современном литовском языке местоименные прилагательные пока ещё представляют собой своеобразные сложные слова, в которых изменяются обе части (прилагательное + местоимение). Простые прилагательные литовского языка в одинаковой степени употребляются как в роли определения, так и в роли сказуемого. При этом синтаксическая функция простых прилагательных в литовском языке определяется

лишь с помощью порядка слов: *nauja knyga* – новая книга, *knyga nauja* – книга нова.

Местоименные прилагательные литовского языка, в отличие от простых, употребляются прежде всего в синтаксической функции определения, но с особым значением. Они обладают специфическим, ярко выраженным выделительным значением (выделяя определяемую субстанцию по тому или иному признаку) и, таким образом, последовательно противопоставляются простым адъективам в семантическом отношении. Выделительное значение местоименных прилагательных литовского языка часто проявляется как более высокая степень качества, то есть имена существительные, определяемые местоименными прилагательными, обладают тем или иным качеством в большей степени, чем имена существительные, определяемые простыми прилагательными. Местоименные прилагательные нередко употребляются для указания на сорт, породу или качество, характерное для группы предметов или лиц, выделяющихся по этому признаку: *saldusis vynas* – сладкое вино, *baltoji rasė* – белая раса, *Petras Pirmasis* – Петр Первый, *raudonosios rožės* – красные розы (как сорт) и др. [8, с. 162–304].

Когда-то местоименные прилагательные в древнерусском языке тоже обладали выделительным значением, которое заключалось в местоимении. Можно полагать, что по мере слияния местоимения с прилагательным в одно целое (неделимое) это значение стиралось, а потом совсем исчезло. В современном русском языке нет средств для точной передачи того оттенка значения, который содержится в литовских местоименных прилагательных, выделяющих предмет по тому признаку, который указан этим прилагательным.

Таким образом, и эта морфологическая особенность литовских местоименных прилагательных оказывается удивительно близкой русским членным образованиям адъективов в их более раннем состоянии.

В области **словообразования** особого внимания заслуживают достаточно многочисленные словообразовательные изоглоссы.

Многие исследователи отмечали почти полное совпадение балтийской и славянской словообразовательных моделей. Например, суффиксу *-ьба* в русском языке соответствует в литовском суффикс *-yba*. Следовательно, в случае рус. (у)садьба – лит. *sodyba*, рус. орьба (от *орати*) – лит. *aryba*. Единственное отличие подобных морфем заключается в том, что в русском языке мы имеем дело с (исторически) кратким *-i-*, а в литовском – с долгим *-i-* [9, с. 15].

Балто-славянские словообразовательные изоглоссы весьма многочисленны и хорошо известны. Особый интерес представляют случаи, когда целый «пучок» словообразовательных изоглосс пересекается с той или иной изоглоссой лексической. Например:

1) лит. *ranka* ‘рука’ – др.-рус. *рука*, лит. *rankovė* ‘рукав’ – др.-рус. *рукавъ*, лит. *apirankė* ‘браслет’ – др.-рус. *обручь* ‘кольцо, браслет’ и т. д.;

2) лит. *siūti* ‘шить’ – др.-рус. *шити*, лит. *siuvikas* ‘портной’ – др.-рус. *шьвьць*, лит. *siuvėjas* ‘портной’ – др.-рус. *шьвѣи*, лит. *siuvėja* ‘швея’ – др.-рус. *шьвѣя*.

Подобного рода «комплексные» изоглоссы особенно часто встречаются в языках, находящихся между собой в наиболее тесных родственных отношениях. Та же самая картина, отражающая вторичный (исторический) характер славян-

ской модели, наблюдается и у прилагательных с суффиксом *-ък-*: Рус. *варкий* – лит. *varus* ‘варкий’, рус. *гладкий* – лит. *glodus* ‘гладкий, плотно прилегающий’, рус. *глудкий* (диал.) ‘гладкий’ – лит. *glaudus* ‘гладко прилегающий’, рус. *едкий* – лит. *édus* ‘едкий’, рус. *ёмкий* – лит. *jamus* (диал.) ‘вместительный’, рус. *жалкий* – лит. *gélus* ‘болезненный, неприятный’, рус. *колкий* – лит. *kalus* ‘ковкий’, рус. *липкий* – лит. *lipus* ‘липкий, клейкий’, рус. *ловкий* – лит. *lavus* ‘ловкий’, рус. *меткий* – лит. *metus* ‘хорошо бросающий’, рус. *резкий* – лит. *raižus* ‘резкий (голос, свет)’, рус. *сладкий* – лит. *saldus* ‘сладкий’, рус. *торопкий* – лит. *tarpus* ‘спорый (о работе)’ и т. д.

Приведенные (лишь выборочно) наиболее простые примеры позволяют сделать следующие выводы, относящиеся ко всей модели в целом:

1) исторически производящей основой русских прилагательных с суффиксом *-ък-* были не глаголы и не имена существительные, а праславянские прилагательные с основой на **-u-*;

2) прилагательные с **u-* основой были представлены в праславянском (на ранней стадии его развития) не единичными изолированными примерами, а достаточно значительной продуктивной группой;

3) суффикс *-ък-* (точнее и.-е. **-k-*) не имел первоначально значения склонности лица или предмета к действию, обозначаемому соответствующим глаголом, ибо это значение имели уже прилагательные с **u-* основой, не осложненные суффиксом **-k-* [10, с. 17]. Следовательно, суффикс **-k-* выполнил формальную функцию: перевел исконные прилагательные **u-* кратких основ в **o-* краткие основы и тем самым способствовал ликвидации склонения адъективов по **u-* основам.

Поразительное сходство можно обнаружить и при функционировании отдельных словообразовательных типов в указанных языках на современном этапе. Подобные адъективные типы склонения являются, как правило, наследием прошлого состояния, но фонетический облик отдельных формантов, их семантическое наполнение, особенности развития производных образований удивительнейшим образом совпадают в русском и литовском языках. Это касается многих адъективных формантов, особое место среди которых занимает и.-е. суффикс **-to* и различные его производные морфемы.

Так, адъективные образования с суффиксом **-āt-* в русском языке возникли некогда на базе **ā-* основ, осложненных формантом **-to*. В качестве мотивирующих основ использовались существительные, входящие в ограниченную лексико-семантическую группу: названия частей тела и аксессуаров наружности человека и животных. Прилагательные типа *усатый*, *бородатый*, *волосатый*, *хвостатый* и др. в русском языке относятся к чрезвычайно продуктивному словообразовательному типу с общим значением ‘обладающий чем-либо, какой-либо частью тела’ (с оттенком увеличительности).

Приведенные особенности оказываются чрезвычайно близкими структурным и семантическим особенностям соответствующего литовского аффикса. В современном литовском языке славянскому суффиксу **-at-* соответствует два варианта, облик которых тесно связан с основообразующим гласным производящего имени: при **ā-* основах – это формант *-ot(as)*, при **ō-* основах – *uot(as)* [11, с. 27]. К числу производящих основ для форм на *-(u)otas* относятся прежде всего

существительные конкретной семантики, называющие части тела живых существ. Общее значение обладания той или иной частью тела может быть осложнено дополнительным усилением признака: *barzdà – barzdótas* ‘бородатый’, *gýsla – gýslótas* ‘жилистый’, *ūsas – ūsúotas* ‘усатый’, *pilvas – pilvótas* ‘пузатый’ и т. д.

Прилагательные на *-uotas* способны развиваться в семантическом отношении в том же направлении, что и русские соответствия. Отсюда *galvótas* – это 1) ‘умный, способный’ (*galvótas v́yras* ‘умный мужчина’ (ср. рус. *головастый*)); 2) ‘со множеством голов, головок, с большими головами’ (*galvóti kopūstai* ‘головастая капуста’); 3) ‘похожий на голову’ (*galvóti dėbesys* ‘облака, похожие на голову’); ср. также *ragúotas* ‘рогатый’ и *ragúotas* ‘строптивый’ (*Nebūk tokià ragúota* ‘не будь такой строптивой’) и т. д.

Генетическая близость приведенных прилагательных соответствующим русским формам несомненна, и, что особенно важно, семантическому и словообразовательному сходству здесь сопутствует близость акцентологическая, поскольку все прилагательные с суффиксом **-at-* имеют постоянное место ударения на суффиксальной морфеме.

Прилагательные на *-(u)otas* в современном литовском языке получили необычайное распространение и способны мотивироваться различными именными основами при выражении общего значения увеличительности: *ežerúotas* ‘озеристый’, *kalnúotas* ‘холмистый’ и т. д.

По словам известного белорусского лингвиста В.В. Мартынова, именно «формантно-функциональный состав и продуктивность словообразовательных средств оказываются весьма важными при генетическом соотнесении языков» [12, с. 120–123].

В области **этимологии** подчеркнем следующее.

Кроме указанных выше соответствий, литовские лексемы, сохранившие древнейший облик, близкий к индоевропейскому или общеславянскому слову в фонетическом, грамматическом и словообразовательном отношении, могут стать чрезвычайно важным материалом при определении как более древнего состояния (в фонетическом плане) русского слова, так и его исконного (этимологического) значения. Классический пример в этом отношении представляют русские слова *рука* (ст.-сл. *рѣка*), *бес* (др.-рус. *бѣсъ*), *лук* (ст.-сл. *лъкъ*), не имеющие в современном русском языке какой-либо мотивировки, и лишь литовские соответствия помогают прояснить их этимологию, поскольку лит. *baisus* ‘страшный, ужасный’ является близким соответствием русскому *бес*, лит. *ranka*, образованное от глагола *renkti* ‘собирать’, помогает объяснить этимологию русского *рука*, а лит. *lankas* ‘дуга, лук’ от глагола *lenkti* ‘сгибать’ является удивительно близким соответствующему русскому *лук*. Для выяснения исконного значения слов *мрак* (др.-рус. *морокъ*) или *бобр* бесценным оказывается опять-таки материал литовского языка, где сохранились такие исконные мотивировки для интересующих нас слов, как *beras* ‘коричневый, гнедой’ (то есть свое название бобр получил по цвету шерсти) или *merkti* ‘закрывать веками, жмурить глаза’ (то есть *мрак* первоначально представлял собой субъективное восприятие тьмы, как ощущения человека с закрытыми глазами) [13, с. 94].

Таким образом, привлечение данных современного литовского языка помогает осветить историю многих процессов в области фонетики, морфологии

и словообразования в русском языке. О важности изучения литовского языка для «лингвистических целей» писал и И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Из живущих в настоящее время арио-европейских языков литовский язык сохранил древнейшее состояние, как со стороны звуков, так и со стороны форм. В этом отношении он немного уступает санскриту. Но изучение литовского языка для чисто лингвистических целей гораздо важнее изучения санскрита, а именно потому, что санскрит сохранился только в письменных памятниках, а литовский язык живёт до сих пор в устах народа» [14, с. 32].

Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» Федерального агентства по образованию РФ (проект № 2.2.1.1/6944).

Summary

E.A. Balalykina. About the Importance of the Lithuanian Language for the Research in the Field of the Russian Language History.

The article is devoted to the problem of the Baltic and Slavic language relationship. It presents obvious proofs of extreme closeness of the Lithuanian and Russian languages on the levels of phonetics, morphology and word-formation. The Lithuanian-Russian correspondences introduced in the article help us to supplement the data in the sphere of historical development of sounds of Russian language, the changes in its grammatical system and especially in the sphere of etymology.

Key words: Baltic-Slavic relationship, Lithuanian and Russian correspondences, phonetics, morphology, word-formation.

Литература

1. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. – Lion-Paris, 1950. – Т. 1. – 320 p.
2. *Гильфердинг А.* Литва и Жмудь // Гильфердинг А. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб., 1868. – Т. 2. – С. 362–421.
3. *Оссовский Л.* Западное Полесье – прародина славян // *Вопр. языкознания.* – 1971. – № 1. – С. 113–118.
4. *Karaliūnas S.* Kai kurie baltų ir slavų seniausiujų santykių klausimai // *Lietuvių kalbotyros klausimai.* – Vilnius, 1958. – Т. 1. – С. 4–100.
5. *Фортунатов Ф.Ф.* Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // *Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды.* – М.: Учпедгиз, 1957. – Т. 2. – С. 5–257.
6. *Mažiulis V.* Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). – Vilnius: Mintis, 1970. – 344 с.
7. *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego: 3 т. – Warszawa, 1957. – Т. 3. – 377 S.
8. *Valeckienė A.* Dabartinės lietuvių kalbos įvardžiotinių būdvardžių vartojimas // *Literatūra ir kalba.* – Vilnius: Mintis, 1957. – Т. 2. – С. 161–328.
9. *Откупщиков Ю.В.* Очерки по этимологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 480 с.
10. *Откупщиков Ю.В.* Литовский язык и праславянские реконструкции // *Baltistika.* – 1971. – Т. X, № 1. – С. 7–20.

11. *Trautman R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch von der Trautman R. – Göttingen, 1923. – 382 S.
12. *Мартынов В.В.* Балто-славянский инновационный процесс в области именного словообразования // III Всесоюз. конф. по балтийскому языкознанию. – Вильнюс: Минтис, 1975. – С. 120–123.
13. *Откупщиков Ю.В.* К истокам слова. – М.: Просвещение, 1973. – 256 с.
14. *Бодуэн де Куртэнэ И.А.* Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков // Журн. М-ва нар. просвещ. – СПб., 1881. – С. 269–321.

Поступила в редакцию
05.10.09

Балалыкина Эмилия Агафоновна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Казанского государственного университета.
E-mail: *Emilia.Balalykina@ksu.ru*